

ЧУДАКОВ

Ложится мгла на старые ступени

Искусство жить достойно на Руси

Чудаков А.П. *Ложится мгла на старые ступени.* – 5-е изд. – М.: Время, 2012. – 640 с.

*От книги оторваться нельзя,
невозможно и забыть.*

*И, что важно, нельзя не извлечь пользы,
самой что ни на есть практической, для жизни:
о многих ли книгах такое можно сказать?*

Петр Вайль

Лучшим романом первого десятилетия нового века жюри литературной премии «Русский Букер» назвало роман «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова. Это роман, который необходимо прочитать всем: и современникам автора и более молодым людям, чтобы лучше узнать русскую историю XX века, понять, что двигало нашими соотечественниками и помогло им выжить, порой в самых несовместимых с жизнью условиях. Роман возвращает нас к истинным ценностям, испокон веку сложившимся на Руси и убереженным в народе несмотря ни на что: труд, семья, наследие предков, любовь, долг, честь. Книга несет мощный заряд положительных эмоций, а ее богатый русский язык, тяжело поддающийся переводу, дарит наслаждение.

В современной литературе это произведение сравнить не с чем. Роман – подтверждение тому, что классическая русская литература, обращенная к душе человека и жизни русской, не умерла в XXI веке. Название взято из стихотворения А. Блока «Бегут неверные дневные тени», посвященного С. Соловьеву, другу поэта.

Александр Павлович Чудаков – филолог, литературовед с мировым именем и необыкновенный человек. Родился в 1938 году в Северном Казахстане в городе с 20-тысячным населением Щучинске (туда незадолго перед этим приехал из Москвы его отец, предчувствуя возможные репрессии). Окончил филологический факультет МГУ. Доктор филологических наук, профессор Института мировой литературы, он преподавал в МГУ, Литературном институте, читал лекции в зарубежных университетах – Гамбургском, Мичиганском, Лос-Анджелесском, Принстонском, Сеульском. . . Крупнейший специалист по Чехову, Александр Чудаков входил в Международное чеховское общество. Он умел так просто рассказать студенту и школьнику о Чехове, что этот сложный писатель становился им ближе и понятнее. Простота – характерная черта его стиля, будь то роман или научный труд.

А.П. Чудакова отличали доброжелательность и жизнелюбие, открытость и сердечная теплота, способность творить «свой мир», духовный и физический. Он умел многое. На вопрос корейских студентов о том, что в своей жизни еще, кроме литературы, знал их профессор, А. Чудаков ответил: труд землекопа, столяра, плотника, садовода, тренера по плаванию. К этому стоит добавить, что он знал и умел все, что положено знать и уметь деревенскому мужику. Он любил в этой жизни все, достойное внимания: природу, музыку, театр, историю, интересных людей (независимо от их социального положения, образования и прочего). И, конечно, книги. В 18 лет им записано в дневниках: «Я иногда сам удивляюсь – черт знает какой ерунды я только не знаю! Не может быть, чтобы все это прошло даром!». У него была феноменальная память: он запоминал любое стихотворение после первого прочтения, помнил все мелочи быта, дословно рассказы бывалых людей – все то, что уже безвозвратно ушло. И это пригодилось ему в написании романа.

Впервые мысль написать художественное произведение возникла у А. Чудакова в 1956 году, когда он учился на втором курсе МГУ. Об этом есть запись в дневниках (даны в приложении к книге): «История моего современника. Попробовать написать историю молодого человека нашей эпохи, используя автобиографический материал, но не давая своего портрета». Его жена, известный литературовед, писатель и общественный деятель, Мариэтта Чудакова, которую он обозначил в своих дневниках как Л., всю совместную жизнь настаивала, чтобы муж написал роман о своей жизни, предках, окружении, в котором он рос. Она считала все это необычайно интересным, и была уверена, что он способен об этом рассказать так же интересно: «Твой роман будет бестселлер! О чем сейчас пишут – мафия, выстрелы, секс. У тебя – возврат к нормальным ценностям».

В 2000 году книга, которая писалась «всю жизнь», вышла сначала в журнальном варианте – в «Знамени», затем через год отдельным изданием. В основном читателями и критикой первое и единственное художественное произведение ученого было очень хорошо принято. А.П. Чудаков стал лауреатом журнала «Знамя» за 2000

год. Но широкую известность роман получил после присуждения ему в 2011 году премии «Русский Букер десятилетия» и выхода его сразу в нескольких издательствах. К сожалению, об успехе писатель так и не узнал – Александр Чудаков умер в Москве в возрасте 67 лет в 2005 году.

Писатель сам определил жанр своего сочинения, назвав его романом-идиллией.

Это не совсем мемуары или автобиография: некоторые главы полностью сочинены автором, это история о том, «как русская жизнь сохранялась внутри советской» (литературовед Сергей Бочаров). И совершенно новая и необычная версия российской истории XX века. Автобиографичен главный герой этой книги, Антон Стремоухов, проводящий детство в Северном Казахстане, а студенческую юность – в Москве. Повествование же ведется то от первого, то от третьего лица, но этого почти не замечаешь, читая роман.

А. Чудаков хорошо помнил себя с пяти лет. И обо всем написал: о послевоенных годах в городке Щукинске (в романе – Чебачинск), где сформировалась колония ссыльнопоселенцев, освобожденных из мест заключения бывших ученых, деятелей культуры, о своих корнях, о себе и судьбах своих близких. Этот особый культурный слой, сохранивший русский уклад и быт, до мельчайших подробностей запечатлелся в памяти Антона (и, конечно же, автора).

Все окружение – кого ни возьми – личности незаурядные, хорошо и очень хорошо образованные, мастеровитые и знающие цену нынешней власти. Они не только выжили после тюрем и лагерей, но и сумели сохранить человеческое достоинство, остались верными своим принципам и продолжали жить духовной жизнью, развивать ее независимо от власти только благодаря своим талантам и культурным корням. Чудаков отметил, что нигде более он «не встречал такого количества интеллигенции на единицу площади, как в Чебачинске».

Повествование в романе степенное, спокойное, размеренное, с оттенком ностальгической интонации по канувшей в Лету патриархальности. Поэтому, наверное, автор и назвал роман «идиллией». Однако очень четко за всем этим прочитывается главная мысль: «Россия в ходе и после трагического опыта осознала вполне, что революции – крайне негодные локомотивы истории».

В центре произведения – описание жизни большой семьи Саввиных – Стремоуховых. Дед, Леонид Львович Саввин, патриарх семьи – самая яркая фигура в романе, физически сильный и в девяносто лет, попovich по происхождению, агроном, умелец и русский человек прежней (безвозвратно ушедшей) культуры. Дед всегда открыто высказывался по поводу власти, он остался на свободе только потому, что в маленьком Щукинске дед и родители Александра Павловича выучили две трети города.

О деде А.П. Чудаков напишет в дневнике: «человек, которому я обязан своим миропониманием». Первые и последние главы в книге полностью посвящены ему. Из самых ранних детских воспоминаний: «Наказаний у деда было два: не буду гладить тебя по голове и – не поцелую на ночь. Второе было самое тяжелое; когда дед его как-то применил, Антон до полуночи рыдал». «Смерть деда» – так первоначально предполагалось назвать роман. Стоя над его могилой, Антон мысленно произносит: «Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был прав во всем».

Мы узнаем, какими способами Леонид Львович организовывал и обеспечивал выживание своей трудолюбивой семьи в глухой провинции. Бабка (воспитанница пансиона благородных девиц) и дед (бывший семинарист) главного героя трудились не меньше, а может, и больше мужиков и баб. Родители Антона тоже работали по 14-16 часов в день. Семья выстояла в предложенных им историей обстоятельствах, выстроив, в буквальном смысле, натуральное хозяйство, абсолютно автономную и не зависящую ни от какой власти систему. Двадцатидевятилетний мерин Мальчик, комиссованный, со съеденными зубами, и корова Зорька были основой мощного и разветвленного хозяйства Саввиных – Стремоуховых. Чебачинская идиллия написана не о репрессиях власти, голоде, холоде. Она – о преодолении обстоятельств, о победе над ними человека духовно богатого.

Жизнь, запомнившаяся Антону-ребенку, а потом и юноше, была полна радости: купание в озере (мальчик плавал с шести лет, прекрасно нырял), школьная дружба, а затем первая любовь, вечерние посиделки с пением и музыкой, общение с необыкновенными людьми, беседы с дедом обо всем, чтение. Никакой мрачности, «чернухи»: да, жили очень трудно, но бывали и праздники. А главы «Гений орфографии Васька восемьдесят пять», «Вечерний звон», «Пельмени Ильича» и другие наверняка вызовут безудержный смех.

Рассказывая о книге, невозможно не упомянуть еще одного героя, может быть, одного из главных, – это предметная, вещная среда романа. «Какова была жизнь в нашей стране 50–60 лет назад, объяснять не надо. Предметный мир тоже был совершенно другим – я попробовал среди прочего показать это в своем сочинении», – написал А. Чудаков в дневниках. Надо сказать, что эта тема всегда волновала А. Чудакова-ученого. Об этом его книга «Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого» (1992), глава «Предметный мир» в монографии «Поэтика Чехова» (1971), статьи: «Предметный мир Достоевского» (1980), «Вещь в мире Гоголя» (1985), «Предметный мир литературы (к проблеме категорий исторической поэтики)» (1986) и другие. Одна из первых идей А. Чудакова-филолога состоит в том, что «книжная», высокая культура вырастает из «культуры материальной». Не зря самым запоминающимся книжным впечатлением детства он называл список вещей, спасенных Робинзоном Крузо с тонущего корабля.

Из главы «Натуральное хозяйство XX века»: «В этой стране, чтобы выжить, все должны были уметь делать все»... «Выращивали и производили все. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном, плотник и шорник (дед), химик-органик (мама), кухарка (бабка), черная кухарка (тетя Тамара), слесарь, лесоруб и косарь (отец). Умели столярничать, шить, вязать, работать серпом и вилами». И этот список можно продолжать. Мы с огромным интересом узнаем (а где еще об этом узнаешь?), как в этой семье делали свечи и варили мыло, выделывали шкуры и плели из обработанной конопляной веревки, как дед писал гусиным пером, а вместо промокательной бумаги использовал просеянный песок. А обязательно накрахмаленные ослепительно белые манжеты отца Антона, как и старый фарфор его бабки, – это был способ уже не выживания, а необходимость оставаться интеллигентным человеком при любых условиях.

А. Чудаков считал, что предметный мир устойчивее мира нематериального: «Законов рождения и жизни вещей и растений не в состоянии изменить никакая революция». Нематериальный человеческий мир хрупок, по воле истории его можно разрушить, переименовать, сделав черное белым. Вещи же, сделанные умело и с любовью, долговечнее людей, иная живет в семье не одно поколение. Вот и Антонова деда похоронили в его любимом бостоновом костюме, сшитом до Первой мировой. Привычные вещи, оставшиеся от предков, дарили ощущение сопричастности роду своему, давали дополнительную опору в борьбе с системой, как бы прибавляя сил. «Вещь человек принимает в свою душу. Даже старец, ушедший в пустынь, любит свое стило, кожаный переплет своей единственной книги».

С особым уважением пишет автор об умельцах – творцах вещного мира в главах «Носить не сносить», «Стекольник Кажика», «Кондитер Федерату и профессор Розенкамф, печник». И открывает нам некоторые секреты их мастерства, попутно рассказывая историю их ссылки. Нам интересно это описание производства прекрасных вещей, а в тупляках, стачанных потомственным сапожником Демьяном Евсеичем Каблучковым, Антон проходил все пять университетских лет, так и не сносив их. Рассказ же мастера о сапогах – это целая поэма. В наши дни этот тип потомственных мастеров-виртуозов практически исчез, вместе с ним исчезло и уважительное отношение к труду, воплощенному в надежных и прекрасных вещах.

Вопреки сомнениям А.П. Чудакова (Сумеет ли? Ведь он ученый, а не писатель) книга получилась необыкновенной, невероятно увлекательной, местами смешной, порой похожей на байку или анекдот (а юмором написана каждая глава), но в ней много печали по безвозвратно ушедшему, много мудрости. После выхода романа автор получил массу откликов от литераторов и простых читателей. И был благодарен за всякое доброе слово в свой адрес: значит, не зря писал, поняли, прочувствовали, слова не упали в пустоту. Из его записи в поздних дневниках мы узнаем, что после публикации романа больше ему звонили и писали все-таки те, кто еще помнит «прошлое время».

Были и молодые читатели. Это они оставили комментарии в Интернете:

«Очень-очень рада прочтению такой книги! Мудрости в ней – читать не перечитать. Дай мне волю – цитировала бы бесконечно».

«После прочтения этого произведения мне захотелось читать Чехова, Толстого, Достоевского, то есть книга пробуждает российский дух, хочется читать наших классиков».

Но самую емкую оценку роману дал, по-моему, Наум Коржавин: «Ты показал, что Россия всегда была жива, несмотря ни на что... Ведь до конца можно убить только отдельного человека, а народ – нет!».

И последнее: помимо огромного интереснейшего фактического материала, в книге есть постоянное ощущение счастья самого автора, его близких, просто счастья жить: «Сидел в темноте на веранде, смотрел на березы. Как когда-то с мамой. Это было счастье. Не то чтобы я этого не понимал. Но почему-то думал – оно будет длиться долго». Книгу не хочется выпускать из рук, тянет возвращаться к ней снова и снова, чтобы почувствовать вкус жизни, научиться ценить этот дар Божий – Жизнь.

Автограф из записной книжки 2005 года, завершающий книгу:

Когда я умру

Не говорите: наука,
И автор сотен работ.
Все это ужасная скука,
Тоска похоронных забот.

А просто скажите: покойный,
Строгать он умел и копать,
И был человек он достойный,
Мог очень далеко нырять.